

Вячеслав Курицын - человек, у которого очень хочется взять интервью. Молодой критик - вообще редкое явление, эта профессия становится экзотической и стариковской. Но у Курицына есть редкий дар доброй провокации, способность оживлять собою литературную ситуацию, делать жизнь, в частности - литературную жизнь - заново интересной. Его высказывания всегда рождают споры, его колоритная и яркая фигура так и просится в текст, - неслучайно современные писатели любят вводить его в число персонажей своих произведений (например, в одном романе Гурского он играет роль ректора РГГУ, а в книге Каца о фантастике выдается за якобы существовавшего в 20-е годы прозаика, многообещающего, но спяну выпавшего из вертолета и т.д. и т.п...).

- Вячеслав Николаевич, вы читаете в РГГУ спецкурс о постмодернизме в отечественной литературе. Но далеко не все согласны с тем, что это явление у нас реально существует. Русский постмодернизм - есть?

В.К. - Ну, вообще-то, постмодернизм - только фигура речи, позволяющая вести разговор о многих конкретных литературных текстах.

- Может быть, это именно русский постмодернизм - только фигура речи? Ведь как только о нем начинается разговор, тут же обнаруживаются неувязки.

В.К. - Какие?

- Например, говорится, что поэтика постмодернизма предполагает размытость авторского начала. Но вот, скажем, Пригов, о котором вы часто пишете, совсем не похож на человека-невидимку: он создает свой образ, очень узнаваемый, в стихах, на сцене, в передачах и акциях...

В.К. - Исчезает авторитетный субъект, автор как Сын Божий, автор, который способен говорить из пространства истины, а появляется автор-персонаж, каждый раз выстраиваемый заново, и разумеется, акцент как бы переносится с автора-Бога на автора-персонажа, существующего здесь и сейчас, а потом будет другой, если захочется. А не захочется, так тот же останется. В этом нет метафизики, как мы видим.

- Ну, а вот такая вещь. В своей статье "Русский симулякр" вы пишете о том, что обращение к эротической проблематике в современной литературе, очень последовательное, усердное, связано с тем, что... И там идет ряд тезисов. С одной стороны, представление о поле в настоящее время размыто: полов больше, чем людей, потому что пол становится ситуативным.

В.К. - Да.

- С другой стороны, в нашей литературе все, что связано с полом - гипертрофировано, поминается на каждом шагу, разного рода девиации вызывают особый интерес... Опять выходит, что наш постмодернизм какой-то вывернутый, ненормальный: он не заметил, что пол исчез.

В.К. - Но в этом нет никакого противоречия. Девиация - это и есть другой пол. И если литература о ней говорит, то, значит, она признает существование полов, многих полов.

Во-вторых, не бывает никакого настоящего постмодернизма.

Постмодернизм - всего лишь понятие, которым удобно оперировать.

- Сегодня будет проводиться вручение Букеровской премии. Вы хорошо знакомы с произведениями-финалистами? Можете их охарактеризовать?

В.К. - Да, я читал все эти тексты, да, специально, причем. Я писал об этом, уже не помню что... Мне кажется, что это нормальная литература, грамотная, качественная более-менее. Но лично мне все это бесконечно скучно. Мне неинтересно читать про генералов, в одном случае, в другом - про капитана, а в третьем - про заключенного в лагере. Из всех этих текстов симпатичнее всего роман Федорова, по установке своей: старый человек решил написать на лагерном материале философский роман, через образы культуры рассмотреть все, что там происходит. Клопов на стенке давит, - думает о Канте. Мне эта идея кажется очень хорошей. Другое дело, что у Федорова не тот социальный и интеллектуальный опыт, и он не может написать такой текст, он не умеет делать фигуру мысли... Другая культура.

- А вы бы кому Букера вручили?

В.К. - Я из этих никому бы не стал вручать, да это и вообще не мое дело - премии распределять.

- А ваши самые яркие читательские впечатления этого года с чем были связаны?

В.К. - Выбрать с ходу я не в состоянии. Но приятно вспоминать о романах Гурского, о романе Гиришова "Обменные головы", о журнале "Гурман" (это самое свежее впечатление), а в начале года меня очень порадовал текст Гандлевского "Трепанация черепа".

Гурского сочинили писатели из Саратова, создали литературную маску, придумали ему биографию, печатают с ним интервью в разных солидных изданиях типа "Книжного обозрения", где он делится своими мнениями по поводу всего на свете, а сами сидят в Саратове и клепают боевики и уже имеют успех, потому что это как бы истории из современной политической жизни России, с невероятными сюжетами типа того, как Жириновский пришел к власти, а Валерия Новодворская пытается его убить. Сейчас таких романов уже три, а обещано уже десять. Это очень занимательная литература, просто чудесное чтение, ироническое, смешное, везде живые персонажи нынешней политической и литературной жизни, много такой тусовочной игры.

А "Обменные головы" - это вообще идеальная книга. То есть идеальное сочинение для современной литературы. Там все набокоские уроки учтены. Это стилизация под семейный детектив, такое тихое приключение эмигранта, который пробует раскрыть семейную тайну. Там очень хорошо завязанное приключение, со всеми любимыми набокоскими обманками, набокоской интонацией. Вряд ли этой книгой будут завалены лотки, - слишком изящное чтение. Но я два дня не мог оторваться.

Что еще? Очень интересно было отслеживать столетие Бахтина. Весь год появлялись книги, журнальные подборки, конференции бесконечные

ВЯЧЕСЛАВ КУРИЦЫН: ВСЕГДА ЕСТЬ ТОТ, КТО ГОВОРИТ

Постмодернизмов столько же, сколько и носителей, то есть у каждого - свой постмодернизм. Теория соцреализма исходила из того, что соцреализм один на всех. Но в данном случае теория исходит из совершенно противоположной установки, что ничего единого для всех нет, что у каждого свое. Может быть, о постмодернизме стоит говорить только во множественном числе: постмодернизмы.

- Но ведь в той же статье вы обмолвились о том, что русский вариант постмодернизма, если хотите, русские постмодернизмы - какие-то специфические.

В.К. - Конечно, потому что русские. В Америке - американские, во Франции - французские, в России - русские. Не думаю, что это какая-то вывихнутость.

- А постмодернизм разве бывает русским, французским и т.д.?

В.К. - Конечно, бывает. Он всегда чей-то.

- Но если в нем "пересекаются границы, засыпаются рвы" (цитата из манифеста постмодернизма, статьи Л.Фидлера), то национальные границы должны становиться неразличимыми?

В.К. - Да, но всякое рассуждение о чем бы то ни было производится кем-то. Как говорил Бахтин, "нет ничьих слов". Всегда есть тот, кто говорит. Каждое слово действительно только в то время и в том месте, когда оно произносится.

- И каков же облик русского постмодернизма, что его отличает от других?

В.К. - Тут многое можно придумать. Но вот что у меня сейчас в голове по этому поводу; поскольку очень сильна в нашем отечестве традиционная тяга ко всякого рода большому мифологическим системам, постольку наши писатели, работающие в постмодернистской технике, пытаются построить некую мифологию, новую мифологию на месте разрушенной. И получается очень забавное соединение постмодернистского письма, не предполагающего единой мифологии, с условно авторской интенцией сделать некую метасистему, метафизику написать. Речь идет о "Пушкинском доме" Битова, о романе Шарова "До и во время", о романе Иванченко "Монограмма", и еще есть разные интересные в этом плане тексты.

- А есть общие черты у второй создаваемой новой мифологии?

В.К. - Ну, это сложный вопрос... По-моему, важны не общие черты, а сама потребность построить единое мироустройство. А уж какое оно будет, это дело десятое.

- Но, помните, однажды у нас был разговор, что, например, в рамках массовой культуры попытки создания большого мифа существуют. В этой связи поминались, скажем, сериалы типа "Марии".

В.К. - Нет, тут другой случай. Массовая культура как раз восполняет отсутствие большого мифа тем, что каждый день создает какой-то маленький миф. Очень много маленьких мифов. Вот, например, система номинаций в национальной баскетбольной ассоциации. Каждый должен быть чемпионом. Номинация двести штук: один больше всех очков набрал, а другой зато больше всех перехватов сделал. Это бешеное число номинаций, и вокруг каждой складывается свой миф. Почему по телевидению так много игр? Всяких этих игр, где можно выиграть или машину или сто рублей? Потому что каждый член общества должен быть победителем. Я знаю, что я никогда не стану президентом страны, но у меня есть "Поле чудес", и, находясь на экране, я буду занимать то же место в мироздании, которое десять минут назад занимал Ельцин. Я буду победителем какой-то определенной номинации. Книга рекордов Гиннеса - то же самое: у каждого есть или может быть то место, где он лучший, и соответственно, каждый может иметь индивидуальное достижение. Это очень важно для идеологии - создание такой иллюзии, что возможен социальный успех у каждого в своей области. У всякого есть такое место, где он - лучший.

проводились. Это было действительно событие удивительное.

- По количеству шума, который был поднят, или потому, что появились какие-то неожиданные, особенно глубокие интерпретации его творчества?

В.К. - А вот когда бахтинистика сконцентрировалась в одно время в одном месте, она хорошо стала ясна, стало видно, в каких количествах она существует и в мире, и в России. Была, например, огромная бахтинская конференция в Педагогическом университете, на которую съехались 2000 человек, с тематикой докладов вплоть до такого: "Бахтин и малый театр". Всеобщая любовь к Бахтину дошла до своего последнего роскошного воплощения. И всех бесчисленных людей, которые пишут о Бахтине бесконечное множество текстов, можно было увидеть как на искомый роман, на тот большой полифонический роман, который сочинил Бахтин. Как бы вот была концепция полифонического романа Достоевского, где какое-то количество монологических сознаний неспянно между собой взаимодействуют. Но ведь роман Достоевского - это текст совершенно ничтожный по сравнению с тем, что Бахтин создал сам своей теорией, какое количество персонажей романа он породил. И если помыслить всех этих людей как литературных героев, которые каждый со своим мифологическим сознанием вступают в эту систему и начинают что-то там с Бахтиным делать, какие-то операции производить, то получается, конечно, грандиозная картина.

- В этом романе действовали какие-то неожиданные персонажи, была какая-то экзотика?

В.К. - Я думаю, для возникшего произведения это не очень важно. Здесь, как в случае стихов Пригова, важно количество, а не качественные характеристики.

- Вы прогнозы строить умеете? Относительно развития литературы, например?

В.К. - Да ведь самое интересное - не тенденция какая-то, а то, что появляется неожиданно, вопреки прогнозам.

Думаю, очень интересно то, что происходит в системе масс-медиа. Сейчас ведь еще был год активного порождения так называемых "журналов успеха". Это такие иллюстрированные издания с красивыми картинками, начиная от "Плейбоя", "Космополитен" и так далее. Какие-то из них существуют уже не первый год, но в этом году это стало страшной модой. Таких журналов штук двадцать пять, все их издают. Складывается очень интересная культура, у которой будет свой язык, очень интересно будет на него посмотреть.

Интересна массовая литература, то, что там происходит. Какие, например, будут женские романы русские.

Все это быстро развивается. Уследить трудно. Не было, не было, а тут поспалось.

- Вы можете как-то обобщить, что же такое современная литературная ситуация, поставит диагноз современной литературе: "литература, слава Богу, процветает", или "литература, наконец-то, умерла" или как-то еще?

В.К. - По-моему, литература пребывает в прекрасном самочувствии, просто в других формах, прежде всего, осваивает какие-то массовые формы. Потому, она в другом социальном статусе и, видимо, уже долго не будет в прежнем социальном статусе. Конечно, она сейчас менее важна, чем визуальное искусство, например. Но это не страшно. В своем новом статусе она вполне успешно, по-моему, обживается. Процесс идет изо всех сил.

С Вячеславом Курицыным беседовала Татьяна Казарина.